

Дмитрий Баннов

**К ИСТОКАМ
ВЕЧНОСТИ**

Дмитрий Баннов
К истокам Вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55851474

ISBN 9785449899576

Аннотация

Стремимся жизнь в песок изжить, и вновь, начав с Начала, измерить мыслью Вечность... В сердцах мечту храня, из века в век, из мига в миг.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Вспоминая будущее	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

К истокам Вечности

Дмитрий Баннов

© Дмитрий Баннов, 2020

ISBN 978-5-4498-9957-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Герои данной книги поделятся ответами на многие вопросы, а также озвучат ещё больше их количество о вселенной Разума, о Мироздании, о Природе и духовности, о пути извечного поиска смысла, и, порой, кажущегося его отсутствия, о конструкции Ума, его власти и бессилии. Ими будут затронуты вопросы психологии, восприятия реальности и информационных технологий, физических, и не только, процессов. Будет выдвинуты гипотезы, сделано большое количество допущений, но этого требует сам предмет ими осмысливаемый.

Балансируя на рубеже безмерной сложности и многомерного упрощения, местами погружаясь в море очевидно простых и элементарных вещей, и следом же размышляя о сложных, недостижимых для нашего осознания процессах, они попытаются вовлечь тебя, мой дорогой читатель, в невероятное путешествие по просторам фантазии. Совместно с ними тебе у тебя будет возможность связывать смыслом, на первый взгляд чужеродные процессы и явления, там, где этого возможно и уж тем более, где невозможно.

Многие найдут ответы, кто-то подтвердит или опровергнет сказанное, кого-то эта книга вдохновит на собственные поиски. Всему этому место быть, и чему я, в итоге, буду безмерно рад. В добрый Путь, мой дорогой друг!

Глава 1. Вспоминая будущее

Тёплым, летним вечером, когда солнце уходя к закату прощалось до следующего дня, на сине-голубом небе раскрашивая редкие небольшие облака оранжево-красными оттенками, когда за день разогретый воздух, впитавший в себя аромат цветущей липы и пение птиц, наполнялся сладковатой прохладой, скрывающиеся под кронами деревьев и под крышами домов тени неспеша выползали, накрывая всё и готовясь ко встрече с месяцем, мир наполнялся волшебством, зачаровывая, увлекая мысли в бескрайние просторы воображения.

Приближалась ночь. Закрыв на окнах жалюзи, в темноте комнаты, играющей мягкими тенями от свечи, размышляя о неповторимости формы пламени, я пододвинул блюдо с тёплой водой и несколькими каплями пихтового масла, на край стола, одна из четырёх ножек которого была чуть расшатана. Из динамиков медицентра изливались потоки, наполненные сочным и ритмичным узором звучания барабанов. Следуя волнам музыкальной композиции, в блюде на поверхности воды появлялась лёгкая дрожь. Я наблюдал за этим процессом, замороженный повторяющимися узорами, отмечая их шаблоны и отличия. Музыка, извергаясь из ближайшего к ёмкости динамика, разливалась по поверхности воды, проникая в её глубины, окутывала, растворялась

в ней, рисуя бескрайние миры в каждой её молекуле. Мне казалось, это были непостижимые моему восприятию, но увлекающие моё внимание миры звуков, и вода словно позволила мне их видеть. Я стал искать закономерность в наблюдаемых узорах и частоте звучания музыки, сюда же я решил и привязать отложенные, не более чем в доли секунды, колебания пламени, порождённые мелодичным дыханием медицентра. Время будто замедлялось, и я мог всё чётче ощутить мир звуков и теней. Удар динамика и следующая за ним волна, бегущая от края к центру блюда, казались всё более знакомыми. Следом за ней, с лёгкой задержкой, я созерцал колебание пламени свечи, неповторимое, порой несоизмеримо с предыдущим состоянием.

Это длилось недолго, накопленная телом в течении рабочего дня усталость подталкивала меня отдохнуть и восстановить силы. Приготовив всё ко сну, оставив на столе только блюдечко с водой и маслом с ароматом леса, я отправился спать. Засыпая, задался вопросам об узорах на поверхности воды и в пламени, о постоянном стремлении их к покою, понимая и то, что покоя там не было, о восприятии мною наблюдаемых сложных форм и бессознательное упрощение их. Где границы их сложности и простоты и существуют ли? Насколько сложны эти формы так ли я вижу, как они действительно выглядят? Отчего процесс наблюдения спровоцировал в моём уме искать зависимости, причины и следствия?

Приближающийся сон мягко окутал меня, растворяя

в дрёме ясность вопрошающих мыслей, и неспешно увлѣк в беспмятное плавание по просторам Вселенной. Я заснул.

В дверь постучали. Бэн поднялся с кресла, отложил в сторону планшет и направился ко входу. За стеклом мутной мозаики в витраже двери виднелись два силуэта.

– Уважаемый доктор Купер, соизвольте поторопиться – произнёс один из гостей, – Это вами горячо любимая сестра!

Бэн открыл дверь. На пороге стояла Амелия в сопровождении ещё одной девушки. Не дожидаясь приглашения, Амелия вошла, взяв под руку спутницу, едва не наступив Бэну на ногу, что порой она делала специально, дабы подзадорить, или как он выражалась «реанимировать» её горячо любимого брата. Слегка резковатая манера общения, строгость к себе и окружающим, логичность в рассуждениях и рациональность в поступках, уверенность в себе и к месту колкий юмор делали её идеальным администратором, руководителем или владельцем какого либо серьёзного дела, кем она собственно и являлась, с лёгкостью управляясь с выставочной галереей.

– За мной Кэт, этот медведь ещё два месяца после спячки будет соображать поздороваться с нами или съесть – произнесла она, неизменно следуя выработанной с детства стратегии общения со старшим братом, эдакий безобидный иро-

нично-сатирический укол.

– Бэнджамин, ты постоянно меня поражаешь скоростью твоего мышления и медлительностью движения, мама с папой явно что-то забыли отрегулировать! – сказала она с интонацией всезнающего медиума.

– Ну вот видишь, какой я поразительный – в очередной раз, как и всегда, не обращая внимания на её остроты в свой адрес, ответил Бэн и повернувшись в сторону второй гостьи потянулся чтобы помочь её повесить плащ.

– Знакомься – не отвлекаясь от расстёгивания молнии на правом сапоге продолжила Амелия, – Это Кэтерин Нолан, художник, писатель, дизайнер, флорист. А это – махнув шарфом в сторону Бэна, – Мой братец Бэнджамин, инженерно-гениально-ленивый домашний... кот, ну или что-то в этом роде.

– Очень приятно! – повесив плащ он протянул руку Кэт.

– Взаимно, братец Бэнджамин! – с улыбкой произнесла она, пожимая руку.

Бэн ощутил приятное тепло в этом рукопожатии, по руке помчались волны электрических импульсов, распространившись по всему телу, и вторглись в его, ещё не успевшее ничего сообразить, сознание.

– Для вас я, просто Бэн – улыбаясь в ответ сказал он, – Прошу в гостиную.

– Я же говорила он кошачьей породы! – сняв верхнюю одежду, Амелия направилась в сторону кухни, – Ты посмот-

ри, как улыбается! Если бы это не было столь редким явлением, я бы назвала его чеширским. Хочу крепкий кофе. Кэт, ты что будешь? – уже с кухни выкрикнула она.

– Мне какао с молоком, пожалуйста – ответила Кэтерин.

– Так значит вы инженер, просто Бэн? И что вы инженери-те? – обратилась она к Бэну и огоньки звёзд словно вспыхнули в её глазах. Нежный с мягким тембром, немного детский её голосок, увлекал его внимание. На мгновение задумавшись, отдавшись вторгшимся в его упорядоченный и предсказуемый мир ощущениям, тепла исходящего от её ладони, голоса что так сладко звучал, нежно-прохладного изумрудно-золотистого незнакомого аромата исходящего от неё, хозяин дома наблюдал как подсвечивалась, проникшим сквозь разноцветную мозаику, светом её стройная фигура, облачённая в изящный сарафан и шарфик. Опомнившись, приложив немало усилий чтобы вспомнить вопрос, зависший между ними и отражающийся во взгляде собеседницы, мысленно резко одёрнул себя.

– Да, в основном занимаюсь, программными комплексами, квантовыми вычислениями, да и прочим по-мелочи – ответил он.

– Не надо скромничать! – кричала с кухни Амелия, чуть побрякивая посудой, – Мой старший братец, доктор, и недавно назначен главой какой-то там лаборатории в Блэк Лэйке – гипертрофируя важность озвученного, продолжила кричать с кухни Амелия, – Но увы, доктор он ненасто-

ящий, а научный, лечить никого не умеет, хотя порой так залечит про какую-нибудь физическую теорию или про гипотезы свои, что потом не мешало обратиться к настоящему доктору – уже с озорной интонацией продолжила она.

– Интересно. Расскажите? – обратилась Кэт к Бэнджамину.

– Вот наш кофе и горячий шоколад – вошла в гостиную с подносом ароматных напитков Амелия, – Братец, тебе я сделала травяной чай, «так как сейчас уже больше трёх дня и кофе я уже не буду пить на ночь» – Амелия передразнила Бэна, растрawляя на стол чашки.

В лёгкой беседе, изрядно приправленной безобидными колкостями и шутками Амелии, зачастую в адрес старшего брата, наполненной увлекательными рассказами, раскрашенными в яркие эмоции Кэтерин, и редкими, на первый взгляд безэмоциональными вставками сухой логики и научными комментариями Бэна, прошла вторая половина дня, вплотную приблизившись к вечеру.

– Кажется мне пора домой – сказала Кэтерин, взглянув на часы, – Не заметила, как пролетело время.

Она поднялась с дивана, поправляя сарафан. Амелия посмотрела на брата, словно говоря взглядом «Ну не будь таким медлительным, братец!».

Бэнджамин задумался. Как она передаёт этот воспринятый им образ взглядом? Как он мог его понять? Откуда такая уверенность, что он правильно её понял? Или это всего

лишь допущение, вероятность того, что она могла думать, а уверенность, это всего лишь выбор максимально вероятного варианта, который казался таковым по причине что он хорошо знал свою сестру и понимал, что от неё можно ожидать? Наше мнение о чём-либо могло быть всего лишь набором вероятных допущений. Интуиция...

Мгновением позже Амелия пнула его по ноге, всё также пронзая не моргающим взглядом.

– Я вас провожу – очнувшись от мыслей, выпалил Бэн.

– А я и не откажусь, уже темнеет – приняв предложение, Кэт направилась в сторону гардеробной.

Собравшись, Кэт попрощалась с Амелией, и в сопровождении Бэнджамина скрылась за дверью. Амелия собрала посуду на поднос и отправилась на кухню, погрузившись в размышления о возможном успехе её замысла. Она давно планировала познакомиться с ними, но увлечённость Бэна работой зачастую нарушала её планы.

Кэт жила в шести кварталах. Предложение взять такси она отменила сразу, аргументировав красотой вечернего города, утвердительно и безапелляционно заявив, что каждый вечер уникальный, что конечно будет другой прекрасный вечер, но прекрасный уже совсем по-своему. Они шли по тихой улице, догоняющая их ночь, следуя след в след, готовилась укрыть город тёмным покрывалом, на что он радостно отреагировав, словно ребёнок в кровати под одеялом, взяв в руку фонарик перелистывал интересную книгу, с захваты-

вающим разворачивающимся в его воображении прочитанным сюжетом. Они шли неспешно, Кэт взяв Бэна под руку, то расспрашивала его о работе, или интересовалась отношением к какому либо вопросу, то замолкала, погружаясь в бескрайние просторы фантазии, то словно прислушиваясь к своим ощущениям, замирала, вновь возвращаясь к разговору, окрашивая его необычайными красками комбинируя высокие эмоций. Не замечая, она всё ближе прижималась к руке, в какой-то момент Кэт уже держалась обеими руками за неё, и звёзды вокруг, казалось, начинали кружиться, напевая прекрасные песни и романсы из любимых ею мюзиклов.

Бэн, впервые в жизни ощутил бессмысленность своего «научного шума», как говорила о его рассказах Амелия, небрежно отмахиваясь и часто резко меняя тему, ощутил он и нелепость своей демонстративной важности, не замечаемое им ранее выпирающее самомнение, сейчас ему казалось не более чем бессмысленной тратой времени, энергии и внимания. Он опасался, что всё им сейчас сказанное может нарушить сказочность этого вечера, сместить тот тонкий баланс едва покачивающихся в волшебном пространстве весов. Каждое слово, мысль, изучалась им с внимательностью часовщика, дабы не допустить нарушения балансирующей гармонии этого вечера.

– «Чудесная» – подумал Бэн, наблюдая за тем, как Кэт кружится в такт лёгким ветреным вихрям, собравших листву и разбросавших её по тротуару.

– Что? – обернувшись к нему спросила Кэт, замедлившая вращение своего магического танца, – Что ты сказал?

– Ничего – медленно произнёс Бэн, перебирая в голове образы минутной давности. Он точно знал, что не произносил ничего вслух.

– Мне показалось, ты что-то сказал, но я не уверена, так как кажется я закружилась – с озорством в голосе произнесла Кэтерин, – Пока я танцевала вместе с этим весельчаком – она указала на пробежавший мимо вихрь, ухвативший с дорожки одинокий листок и унесший его прочь из под света фонаря, – Казалось что я стою в центре, а всё вокруг вращается – она сделала паузу, приподняв плечи и выпятив грудь, приняв стойку адмирала боевого фрегата, басом, на сколько это было возможно, пародируя продолжила с соответствующей интонацией Кэт, – Я центр мира! – утверждение прозвучало с хрипотцой, и выглядело это будто дюймовочка пробасила словно моряк за стойкой в портовом баре, чем вызвала улыбку Бэна и следом засмеялась сама. Её звонкий, задорный и искренний смех, увлекаая за собой в безмятежную сказочность всего производящего, заставлял вибрировать сердце.

– Чудесная! – не заметив что озвучил, подумал Бэнджамин.

Кэт посмотрела на него с необычайно глубокой нежностью и теплом.

Решив сделать паузу и приготовить бодрящий напиток, Бэнджамин остановил воспроизведение записи последней конференции по искусственному интеллекту и сопряжёнными с ним темами. Следующим по списку докладчиков шёл всем известный профессор Ярослав Седов. Его исследования на пересечении нейропсихологии, ксенобиологии, нейрофизиологии и эфиродинамике увлекали многих учёных. Не был исключением и Бэн. Сварив кофе, положив на блюдечко пару ванильных печений он вернулся в комнату, напоминающую что-то среднее между рабочим кабинетом и комнатой отдыха, в большей степени за счёт разложенных стопками книг и журналов на рабочем столе окружённом несколькими комнатными декоративными кустарниками в человеческий рост, среди которых затерялась папоротникообразная пальма пара кресел, диван и голографический проектор, направленный в сторону свободного от всего угла.

Поставив чашку и блюдечко на свободное место матовой рабочей поверхности стола, он направился в сторону книжного шкафа и минутой позже с журналом полуторагодовой давности развалился на кресле. Цедя малыми глотками горячий и ароматный напиток, он перелистывал журнал в поисках некогда прочитанной им статьи про квантовые исчисления. Добравшись до искомого материала, он поместил за-

кладку и отложил в сторону. Всё также неспешно потягивая горьковатое содержимое чашки, он включил воспроизведение на проекторе, предварительно немного отмотав вперёд часть с представлением публике автора следующего доклада и его вступительную речь.

– ... Таким образом, коллеги – зазвучал из динамиков квадрафонической акустической системы голос трёхмерной проекции профессора, так, что ощущалась реальность и действительное присутствие докладчика в этой комнате, – Мы различаем минимум семь уровней эволюции сознания как индивида так и социальной группы любых масштабов, от пары человек до населения Земли. Но прошу вас обратить внимание на ошибки нами допущенные. Мы исключаем из нашего, казалось бы, широкого и все-проникновенного научного взора догматично названные нами «неодушевлёнными предметами» объекты, а я посмею утверждать, что это «субъекты» живой природы. Вдумайтесь! Что за нелепо-звучащий нонсенс – «неодушевлённые предметы», подчеркну, «живой природы»? Сам термин нами выработанный гласит, что нас окружает живая мыслящая, наделённая душой, как и все мы, Природа, неотъемлемой частью которой, мы, собственно, и являемся, что, замечу, каждый из нас, прикладывая немислимые усилия, норовит забыть вместо того, чтобы тратить эквивалентную энергию чтобы помнить.

Профессор сделал паузу, перелистнув лист доклада и глотнув воды продолжил.

– Но вернёмся к основной теме моего доклада. Эволюция сознания – говорил докладчик, обращаясь к аудитории, которую представлял в данный момент Бэн.

Вслед за словами на проекции экрана за спиной профессора сменился слайд, содержимое которого представляло собой изображение разделённое посередине вертикальной логарифмической шкалой, слева два разлинованных горизонтально наложенных друг на друга равнобедренных треугольника, совмещённые таким образом что один, будучи перевернут, вершиной упирался в центр основания другого, ассоциируясь с растянутыми по горизонтали песочными часами, справа равную им по высоте воронку расширяющуюся снизу вверх раскрашенную цветами радуги.

– На данном слайде я постарался кратко и схематично изобразить несколько вам уже известных диаграмм – говорил профессор Седов, манипулируя с пультом проектора слайдов, от чего с его каждым действием слайд будто накрывался следующим слоем оставаясь при этом видимым.

Далее шло описание семи уровней энергоцетров человека, наложенным на него изображением рассчитанных и экспериментально обнаруженных узлов вихревых токов в эфирном тороидальном энергополе, поверх всего этого располагалась пирамида потребностей со сносками и обозначениями, укрывала это многообразие схема с климатическими узорами гармонических вибраций в нескольких спектрах электромагнитных колебаний на каждом из выделенных автором

уровней, для большей наглядности подкрашенные автором доклада в соответственно цветам радужной воронки.

Бэн, остановив воспроизведение голографической записи, взялся внимательно изучать обозначения, ссылки и подписанные формулы, приблизительные данные по частотам и резонансам в контурах, колеблющих эфир, сопряжённые с ними энергетические уровни, входящие в резонанс образуя идеальные гармонические ряды.

Бэн увлечённый лавинообразным ростом информации и вплетающегося в его сознание потока мыслей, что заявили о себе при изучении содержимого слайда, погрузился в их внимательное и упорядоченное измышление. Он отметил для себя, что по мере духовного развития индивида расширялся диапазон доступных частот при генерации его энергетической матрицы, что каждая из бесконечного множества голографическая проекция единого разума, будто исполнитель на сцене мироздания играет на струнах вселенского музыкального инструмента, подбирая нужный аккорд создаёт человека, яблоко, камень, стул, всё что только ему, Разуму, придёт в «голову». Приходило понимание, что всё вокруг, ни что иное как, голограмма, полученная в результате сложного, немислимого, но осмысливаемого музыкального произведения, исполняемого бесконечно-огромным количеством музыкантов и всевозможных инструментов, являющихся единым целым, но играющих каждый свою партию. Что вся эта оркестровая группа есть проекция воображения

каждого входящего в её состав. Что стремление поделить, и следующая за ним невозможность этого легко оправдывались безмерной вечной целостностью, и иллюзорной выраженной нами в нас разобщённостью.

Из гостиной пробиваясь сквозь дремучие дебри размышлений Бэна, донёсся сигнал телефона. Он встал и направился в сторону неожиданного, но ожидаемого, звонка. Звонил Александр, с новостями по запросу к ядерщикам омского университета.

Выдался жаркий день. Кондиционеры без остановки гнали холодный воздух безуспешно пытаясь добраться до установленной температуры. Элис зависла над дисплеем микроскопа изучая образцы тканей синтезированных микроорганизмов. Это был ничем не привлекательный процесс – анализ и наблюдение, затем детальная запись результатов и снова анализ. Так проходил уже второй день у доктора Элис Лайтмор.

Она любила свою работу. Докторскую степень Элис получила на 2 года раньше самого молодого на тот момент доктора наук. Во время обучения она редко отвлекалась на вечеринки и разнообразные празднества, хотя выше среднего рост, длинные ухоженные волосы, стройная и красивая фигура привлекали взгляды однокурсников, а иногда порожда-

ли злые сплетни и зависть однокурсниц. Притягивала она к себе внимание не столько внешностью, сколько успехами в обучении и научными достижениями. Будучи студентом начальных курсов, она уже имела не одну опубликованную научную статью, выступала с докладами, участвовала в работе экспертных групп. Она много времени проводила в библиотеке или в лаборатории, где, будучи ещё студентом подрабатывала лаборантом. Лаборатория с её электронным мощным микроскопом была для Элис окном в просторы микромира, коим она его не считала и видела в нём бескрайние переплетающиеся миры, математически точных и в тоже время невысказанно сложных для понимания структур мироздания. От чего она, порой, мысленно полностью погружалась в это бескрайнее фрактальное переплетение смыслов, упираясь в преграды доступной кратности микроскопа. В своих лабораторных записях Элис часто сетовала на недостаточную силу увеличения, строя догадки и гипотезы, хотя данный микроскоп был четвёртым по мощности среди всех действующих.

Она достала очередной образец и поместила его камеру сканера. На дисплее побежала индикация загрузки модулей электронного микроскопа и анализаторов. Пошёл обратный отсчёт нарисовав две минуты четырнадцать секунд, после чего аппарат будет готов для демонстрации структуры загруженного образца вывалив на мониторы трёхмерную модель изучаемого с огромным количеством ссылок и обозна-

чений. Это был седьмой по счёту образец. Элис села на кресло, немного откинулась и прикрыла глаза.

– Стоит сделать паузу. Закончу с этим и прогуляюсь в парке кампуса, – успокаивала она себя вслух – Ещё один образец и, пожалуй, перерыв.

Она повернулась к дисплею и посредством команд с терминала подготовила конфигурацию сканера и детектора. Как неожиданно почувствовала странное ощущение чужого присутствия, словно кто-то наблюдал за ней. Элис, замерла, пытаясь понять своё внутреннее переживание, среди которого всё отчётливее чувствовался страх. Она стала перебирать, что могло вызвать это странное состояние.

– Никто не мог зайти сюда без допуска, да и спрятаться негде. Здесь нет камер безопасности или любого следящего оборудования, – размышляла она вслух – В оборудовании нет протоколов связи с системами мониторинга. Сегодня я выпила как обычно одну чашку кофе – продолжила перечислять возможные причины.

– «Да и дома меня никто не ждёт» – уже молча подумала Элис и вспомнила кота, что без приглашения полгода назад поселился у неё в гараже. Это соседство явно не вызывало у неё восторга, но и негативных эмоций тоже, к кошкам с детства она была равнодушна.

И снова волна с чётким ощущением стороннего наблюдения прокатилась по её сознанию оставляя след тревоги и страха. Хотелось спрятаться, чем-нибудь накрыться с голо-

вой и не вылазить. Она резко встала, голова закружилась, перед глазами всё поплыло и через мгновение размытость образов сменилась красочными геометрическими неповторимыми фигурами, с ровными симметричными гранями, смежняющие друг друга как калейдоскоп из детства с битым разноцветным стеклом внутри.

– «Нужно прогуляться, подышать свежим воздухом» – утвердительно подумала она до того, как упасть в обморок.

Словно по бесконечному туннелю она неслась постоянно ускоряясь, ощущая всё нарастающее давление пролетающих ярких образов каждой клеткой своего тела. Усиливалось чувство стремительного падения, страх неминуемого удара становился всё сильнее. Что-то, медленно вращаясь, приближалось, всё ближе и чётче становились детали, оно росло в размерах, всё больше закрывая собой горизонт.

Мысль, что она буквально впечатается в это, всё сильнее захватывала Элис, отчего хотелось закричать, но звук словно сдавленный встречным ветром застыл в горле.

Яркая вспышка! Удар... Его не последовало. Элис стояла, точнее ощущала, себя стоящей в незнакомой комнате. Она попыталась пошевелиться, шагнуть, но ничего не вышло, тело словно не слушало её. Комната была очень похожа на одну из многих инженерно-исследовательских помещений лаборатории аэрокосмического университета, где она бывала как-то давно на экскурсиях. Множество огромных, можно сказать даже нелепо-громоздких, высотой в потолок, вычис-

лительных комплексов, проводов, терминалов, переливающихся гирлянд индикаторов разнообразного оборудования, заполняло большую часть пространства помещения. Справа от неё рядом с терминалом, судя по множеству графиков и индикаторов, вычислительной станции, двое сотрудников облачённые в стандартные белые халаты о чём-то беседовали. Один активно жестикулировал, периодически указывая на дисплей. Второму что-то отвечал в ответ и иногда качал головой. Разобрать, о чём они говорили, было сложно. Слух словно восстанавливался после сильной перегрузки. Ощущалось, будто её накрыл купол, наглухо изолируя от окружающих звуков. Увидев гостью, оба на минуту затихли, повернувшись в её сторону.

– Элис! – сквозь затихающий гул в ушах донеслось, когда к ней обратился один из учёных, тот, что активно жестикулировал – Ты представляешь, Брайн утверждает, что результаты, которые я передал ему вчера, неправильные. По его словам, мы, видите ли, хотели разыграть его, подсунув данные, и что всё это шутка. Я и сам порядком удивлён, и не раз всё перепроверил, ну, ты же меня знаешь! Да, я согласен, что это весьма немислимо и невероятно, но это факт! Прототип перестраивает свои структуры и классификаторы, и этому нет здравого объяснения. Я бы даже сказал и не здравого объяснения тоже нет. Но цифры не врут! Такое я видел только на терминалах нейросвязи. Оператор оставляет такой след в нейроматричных блоках. Но ведь оператор – это человек.

А тут такое! – учёный замолчал и уставился на неё отсутствующим взглядом. Его собеседник пожал плечами немного помялся, переступив с ноги на ногу, очевидно, не зная, чем дополнить сказанное.

Элис, не понимала, что происходит. О чём тут вообще идёт речь? Ей не было известно ни одно из подобных исследований. Эти люди, помещение, всё вокруг было ей незнакомо. Тревога всё сильнее охватывала её, она отчётливо слышала всё усиливающееся биение своего сердца. Хотелось хоть что-то им сказать, но говорить, да и двигаться всё ещё не представлялось возможным. Ощущение окаменелости накатывало всё сильнее, сковывая каждую часть её тела. Всё погасло в одно мгновение. И вновь, молниеносное ускорение, нарастающий гул, давление пролетающих калейдоскопических образов, приближение чего-то бесформенного, яркая вспышка...!

Элис открыла глаза. Она находилась в своём кабинете, всё также сидя перед дисплеем электронного микроскопа. Строка загрузки неспешно двигалась вправо, таймер отсчитывал оставшиеся 2 минуты.

Через распахнутые окна веранды заглянул ветерок, захватив с собой букет ароматов луговых трав, аккуратно упаковав их в свёрток из переливчатого пения птиц и подвя-

зав прекрасной песней соловья, что не так давно облюбовал соседствующий с домом величественный дуб, едва слышно что-то прошептав, унёсся далее по улице и скрылся в берёзовой роще.

Удобно расположившись на подушках положенных поверх плетёного дивана Бэн перелистывал научные статьи. Некоторые из них привлекли его внимание. Сначала это была подборка об инновациях в беспроводной связи, затем об исследованиях и экспериментах в области эфиродинамики, потом обзор на труд некой доктора Лайтмор, чьи исследования аккуратно расположились на пересечении нейробиологии и нанотехнологий. Но последняя статья, довольно-таки известного физика-теоретика профессора Седова, буквально вморозила его в пространстве, вогнала в ступор, в котором застав врасплох ворвалась идея, вальяжно развалившаяся в центре его внимания.

– Кэт! Ты не представляешь! – вскочив воскликнул Бэнджамин, и возбуждённо зашагал по веранде.

– Конечно. Куда ж мне! – шутя съехидничала она и продолжила, – Дай догадаюсь. Ты, наверное, придумал что-то невероятно сложное и чудесное, эдакое безумно-важное и крайне необходимое людям, делающее их самыми счастливыми в мире!

– Мне вдруг открылось... Я неожиданно понял... Я знаю как сконструировать квантовое ядро! Это выведет вычисления совсем на новый уровень. Представляешь! Это даст ос-

нову для создания искусственного интеллекта! – не слыша её, произнёс Бэн, подхватив Кэт на руки закружился вальсируя.

– Ура! Теперь у нас будет ещё больше счастливых учёных, а возможно ещё и толпа несчастных роботов – смеясь ответила Кэтерин, высвобождаясь из его объятий.

Опустив её на кресло, Бэнджамин направился в прихожую, найдя на столике телефон, набрал номер своего друга, ещё со студенческих времён, Александра Уаттсона, договорился с ним о встрече в кафе через полчаса, вызвал такси и стал переодеваться.

– Я буду через полтора часа – поцеловав Кэт он скрылся за дверью.

Проводив его, она закрыла входную дверь и на мгновение почувствовала резко увеличивающуюся тяжесть, давящую на неё со всех сторон. Добравшись до веранды Кэт прилегла на диван. Ветерок, проносясь мимо, вновь заглянул в распахнутое окно, потрепал кружевную занавеску, в надежде привлечь к себе внимание и порезвиться с хозяйкой дома, но обнаружив уставшую, погружившуюся в, казалось бы, беспричинные переживания Кэт, бережно укрыл её захваченным с собой солнечным теплом и шёпотом напевая на неизвестном ей языке песню, убаюкивал её, нежно поглаживая локоны волос.

Такси припарковалось согласно разметке и дорожным указателям неподалёку от переуллка с аккуратно вписавшемся в него любимым Бэном кафе. То было обычное с виду, можно даже сказать типовое для кафе, заведение. Но в нём доктора Купера привлекала сама психологическая атмосфера. Переступая порог, входящий погружался в уютный интерьер с преобладающим песочно-бежевым цветом, где спокойная музыка создавала фон для ярких или не очень мысленных художеств посетителей, беседующих или мирно вкушающих местные десерты, салаты, каши или тосты, потягивая разнообразные ягодно-травяные чаи, горячий шоколад или кофе, листая газету или журнал. Бэн немного успокоившись размеренным движением жёлто-белого-чёрного транспорта, доставившего его, оплатив проезд и пожелав водителю доброго дня направился ко входу.

Заказав чайничек с имбирно-облепиховым чаем, он разместился за столиком на диванчике в самом углу помещения у окна. Через несколько минут на его столе уже парил, подогреваемый свечой, белый с серебристо-бронзовыми узорами чайник, расплёскивая вокруг аромат и тепло.

В кафе вошёл Александр. Оглядевшись, он направился к другу, бросив на соседнее кресло сумку и пиджак и удобно расположился в кресле напротив.

– Здорово, босс! – произнёс он, протянув руку Бэну.

Он давно знал Бэнджамина, ещё со студенческих времён. Всем он представлялся как Ватт. Его порой растяжно-певучая манера общения, многим, особенно кто был мало знаком с ним, доставляла дискомфорт, казалось, что он ленивый и не интересующийся ничем, в том числе и темой разговора. Но вопреки этому восприятию его, Александр был очень энергичный, изобретательный и талантливый инженер, с молниеносным «живым» интеллектом. Он также, как и Бэн стоял у истоков этого проекта, загоревшись идеей, что давно, за чашкой кофе, поделился с ним доктор Купер. Острый, тонкий и уместный юмор был неотступным спутником Александра, как и невероятная скромность и неуверенность в себе, с которой он безуспешно боролся. Вообще Алекс был отличным другом, он всегда находил силы и время помочь, да и просто выслушать или поболтать, рассказав какую-нибудь забавную байку про пчёл, водителя такси или чёрные дыры, да и вообще на неожиданную для собеседника тему, словно всегда держал при себе свежими их наготове.

– Здравствуй, Ватт – пожав руку поздоровался Бэнджамин, – Сразу к делу. Попалась на глаза статья профессора Седова о высокочастотной кристаллизации эфира и осадочного фотонного шлама, также обзор на эксперименты с реорганизацией кристаллической решётки плазмы. Вот смотри – он протянул планшет инженеру, – Кажется, я понял, как нам построить квантовое ядро вычислительной машины.

Александр Уаттсон, не перебивая слушал друга, разлив по чашкам пряно-жгучий сладкий чай и изредка потягивая его. В числе прочего, Бэн рассказал об исследовании и прототипировании кристаллических носителей голографической памяти в омском университете, о выращивании стабильных плазменных кристаллов, о реструктуризации эфира и формировании квантовых «полупроводниковых» ячеек, затронув свою докторскую о многомерной бинарной квантовой логике. Всё это доктор Купер с лёгкостью вплёл в единую картину будущего квантового ядра, расшив его замысловато-сложными, местами немислимо-фантастическими, но осязаемо реальными узорами идеи, что словно вирус с каждым мгновением всё интенсивнее поражая сознание Александра проникла в самые его недры, глубоко погрузив киль в между рифов его сомнений и скепсиса.

– Когда приступаем, босс? – спокойно пропел Ватт, дождавшись окончания повествования друга и откинулся на кресле.

Бэн улыбнулся и ответил: – Сейчас!

Прошло уже более двух недель с того загадочного переживания. Оно всё реже всплывало в памяти. Возвращалась привычная чередой событий рабочих будней. Удобно разместившись на диване с чашкой крепкого чёрного чая, Элис

размышляла о предстоящей конференции, одним из докладчиков на которой она являлась. Через два дня ей предстояла поездка на ежегодную конференцию по нейробиологии, генетике, психологии и искусственному интеллекту, и много чего ещё. Это было самое масштабное междисциплинарное собрание ведущих исследователей, где рассматривались сегодняшние проблемы и способы их решения, поднимались вопросы по ядерной физике следом переключаясь на обсуждение важность нанотехнологий. И вот впервые Элис будет участвовать на столь серьёзном событии не как слушатель, что, конечно, слегка тревожило её. Это было первое выступление перед многотысячной аудиторией зала, без учёта зрителей ТВ-трансляции.

Зазвонил телефон. Вздвогнув, словно вынырнув из глубин размышления, она подняла трубку.

– Добрый день! Это доктор Лайтмор? – спокойно, умеренным темпом произнёс неизвестный ей голос.

– Да – настороженно, ответила Элис.

– Извиняюсь за столь ранний звонок! Меня зовут доктор Бэнджамин Купер. Мы с вами не знакомы. Я внимательно изучил все ваши публикации и, особенно меня заинтересовала ваша статья о выращивании наноклеточного двунаправленного нейроинтерфейса с последующей инъекцией управляющих программ в кору головного мозга. Собственного, мой звонок и вызван вашими исследованиями. Я представляю одну из научных лабораторий университета Блэк

Лэйк – собеседник сделал паузу – Я хотел бы пригласить вас к нам и, возможно, если вас заинтересует, предложить сотрудничество. Всю необходимую информацию я отправил вам по электронной почте, настоятельно прошу с ней ознакомиться.

– Благодарю вас, доктор Купер. Я обязательно с вами свяжусь, как изучу всё что вы мне отправили.

– Не смею вас больше задерживать. Было приятно познакомиться, всего вам доброго! – ответил собеседник и положил трубку.

– Всего доброго! – Элис задумалась, продолжая держать в руке телефон, не обращая на монотонные гудки, доносящиеся из него.

Она вспомнила Блэк Лэйк, где дважды была по работе. Университет Блэк Лэйк считался одним из самых серьёзных научно-исследовательских учреждений, хотя «учреждением» его назвать было сложно. Он представлял собой закрытый город с населением чуть более десяти тысяч человек. Насквозь пропитанный творческой исследовательской футуристической атмосферой. Городок полностью обеспечивал себя, будучи первым экспериментальным экогородом. Его улицы были словно картинки из фантастических журналов. Беспилотные электромобили и рикши проносились по дорогам, интерактивные голографические терминалы связи со справочным бюро на голосовом управлении любезно общались с вопрошающими, автоматические

электро-заправочные доки перемигивались с проезжающими мимо ли припаркованными на зарядке аппаратами, механизмы ухаживающие за газонами и деревьями, соседствовали с неспешно прогуливающимися или катящимися на велосипедах или гироскутерах по дороге людьми, сопровождаемые подсветкой пути, небольшие квадрокоптеры шныряли по небу в разных направлениях осуществляющие доставку каких-то грузов, и тут же пожилой мужчина в скверике, не обращающий на окружающее никакого внимания, сидя на лавочке под дубом, читал утренний выпуск газеты. Всё это отчётливо всплыло в её памяти.

Словно очнувшись от размышлений Элис положила телефон, взглянув на часы, поставила чашку с чаем на журнальный столик, резко встала, и будто встряхнула себя.

– Ну что, доктор Лайтмор, вам, кажется, пора на работу? – словно кто-то другой только что проснувшись, из глубины сознания обратился к ней и направил в гардеробную. Одеваясь, она вызвала такси, перед выходом ещё раз окинула взглядом всё, проверив что выключала свет, вышла из дома и направилась в сторону дороги. На перекрёстке её перехватило такси и весь путь до лаборатории она молча смотрела в окно, не обращая на пролетающие вдоль дороги дома и людей, она размышляла об утреннем телефонном звонке. Первым делом ей хотелось проверить электронную почту, утренний звонок взбудоражил её, увлекая за собой всё внимание.

Оказавшись в лаборатории, она сразу же направилась

к компьютеру. Оповещений о непрочитанных письмах было чуть больше дюжины. Пролистав часть из них, она нашла письмо от доктора Купера. Содержимое письма началось с обычного приветствия, далее шла общая информация об университете и лаборатории, руководителем которой, собственно, и являлся автор письма, далее инструкции об ограниченном доступе к нижеследующей информации и требование соблюдения их, потом шёл перечень состава команды и краткая информации о каждом её члене. И наконец, описание проекта. Заканчивалось письмо приглашением посетить Блэк Лейк, данными о заказанном пропуске и пожеланием всего наилучшего. Прочитав дважды описание проекта, Элис откинулась на спинку кресла, задумалась, вращая пальцем авторучку на поверхности стола. Проект представлял собой на первый взгляд комплекс невероятно безумных идей, автором которых в большей степени и являлся доктор Купер. Было описано несколько направлений исследований, одно из которых упростив звучит как, «соединить человека и машину посредством наноструктур нейоинтерфейса», на данное направление, она и была приглашена. Ей предлагалось возглавить данный блок исследований связанный с так сказать выращиванием данного искусственного коммуникационного органа. Другим направлением было проектирование ядра вычислительного комплекса для загрузки и построения симуляций, архивированию и воспроизведению воспоминаний. Так же, там велись ис-

следования в области управления механизмами посредством команд мыслеформ, передача мыслеобразов, и много чего ещё. Всё остальное было настолько далеко от реальности ей воспринимаемой, что казалось цитатой из фантастического романа.

– Ну и что ты по поводу всего этого думаешь? – спросила себя Элис, – Что будем делать? – ответ был ей известен.

Десять минут назад она уже знала как поступить. Это было самое быстрое и лёгкое решение в её жизни. Доктор Лайтмор мысленно упаковывала чемодан.

Время подходило к обеду. Негромкий шум за окном, ставший привычным, уже не отвлекал меня, а даже наоборот, всё больше привлекал меня своей сложностью, неповторимым звуковым узором. Порой, слушая его, Бэн старался выделить состав этого блюда, прочувствовать, вкусить его ингредиенты в отдельности, изучить его и описать рецепт приготовления. Но стоило только на мгновение сфокусироваться на одном звуке, как тут же пролетали без внимания другие. Рецепт шеф-повара был неповторим, его секрет сокрыт в простоте и ограниченности восприятия дегустатора.

Помещение лаборатории пустело. Коллеги неспешно, уходили на обед или на прогулку, кто-то оставался на месте, погружённый в работу, кто-то разговаривал по телефону, кто-

то ожидал у дверей остальных членов своей стаи. Доктор Купер погрузился в размышления.

– «Что подталкивает людей собираться в группы? Общие интересы или взаимные симпатии, сила и слабость характеров, противоположность или схожесть? Словно есть некое центральное зерно, точка в психологическом пространстве-времени что, искривляя его создаёт центростремительное ускорение, и стоит только кому-то попасть в это воронкообразное пространственное искривление, как он тут же начинает совершать спиралевидное движение вокруг этого центра устремляясь к нему. И в каждом сегменте этого условно-циклического движения он пересекает те же темы разговора, те же события рождённые группой и переживания, всё быстрее приближаясь к горизонту событий. Но что заставляет каждого участника попасть под это влияние? Схожие взгляды, взаимодополнение, сила лидера или что-то ещё? Что если каждая из возможных причин не что иное как колебание, волна в этом информационном пространстве-времени, и каждое притяжение или отталкивание это всего лишь гармония резонансов или отсутствие таковой? Каждый человек излучает колебания в разных частотах в окружающее его некое эфирно-информационное поле, гармонизируя с кем-то и входя в резонанс, усиливая друг друга или же наоборот, порождая какофонию, словно настраивающиеся оркестровые инструменты перед началом концерта, мешая друг другу, провоцируя друг друга звучать всё

громче и тратить всё больше энергии. И с одной стороны это гравитация, взаимопротяжение каждого в группе, образуя внешнюю гравитационную воронку, и тут же это сложная гармоническая мелодия звучания в разных измерениях волн из каждого источника-участника группы» – не спеша, взвешивая каждый вопроса заданный своему внутреннему собеседнику и отвечая на них, рассуждал Бэнджамин.

Откинувшись на спинку, кресла закрыв глаза, в своём воображении он взялся рисовать измерения звуков, переплетающихся между собой волн, отражающих друг друга или меняющихся при столкновении. Ни одна волна оказалась не способной сохранять свой узор, или воображение попросту не справлялось, всё чаще увлекаясь за вспышками абсолютно неуместных мыслей. Ему казалось, что достаточно протянуть руку и можно зачерпнуть их, подкинуть вверх, расплескав их над собой радугой волшебного звучания, кружась под сказочным мерцанием разлетевшихся брызгами волн, наслаждаясь мелодией радуги. Но неопишуемая сложность, неуловимость каждой из волн не позволяла сделать этого. Вонзаясь в ладони мгновенно отражаясь от них, волна уносилась прочь, и вот её уже не догнать. Представлял он, как пересекая или отражаясь друг от друга волны, рождали фейерверк вихрей, источающих множество мелки, но с неистовой силой растущих волн. Не было начала и окончания всему этому, словно оно существовало в несуществующем, рождалось умирая, безмолвно звучало.

Невозможно было измерить это, так как не было мерности данных форм и лишь только в воображение Бэнджамин мог наблюдать ту малую долю этой бескрайней сложности, что организовывала скопления индивидов.

Так прошёл перерыв. Стали всё чётче доноситься звуки сопровождающие, возвращающихся с обеда людей, словно языки пламени звуки то опережая, то отставая колеблясь в разных направлениях растекались по помещению. Мир вокруг оживал, наполняясь звуками охладительных устройств проснувшихся вычислительных машин, ритмами разговоров, звуками печати на клавиатуре, приглушенными мягким покрытием шагами. Казавшиеся на первый взгляд несвязанными они словно вплетались в единое целое. Помещение превращалось в пчелиный улей, где волны, порождённые речью, мыслями, желаниями, биением сердец, шагами, всем вокруг, образовав соты, встраивали всех в ячейки, синхронизируя всё вокруг. Оркестр готов к концерту.

– Здравствуйте, доктор Лайтмор! – приветствовал Элис, вошедший в приёмную доктор Бэнджамин Купер – Вы уже разместились?

– Добрый день, Доктор Купер! Да, большое спасибо! – ответила Элис, повернувшись в его сторону.

Она представляла доктора Купер совсем другим. По го-

лосу из телефонного разговора он казался гораздо моложе, чем в действительности выглядел. И вот вопреки её ожиданиям, перед ней стоял среднего роста мужчина, крепкого телосложения, одет как и все сотрудники лаборатории он был в белый халат, из под которого виднелась футболка с мультяшным принтом, джинсы, да и выбор обуви был продиктован скорее удобством её использования. По всей видимости, он носил очки только работая за компьютером, от чего на его слегка морщинистом лбу были заметны следы от душек оправы. Чистые волосы были аккуратно собраны в хвост, тщательно выбритое лицо, небольшие морщины у уголков глаз. В целом он явно не тратил много времени и сил на уход за собой, но всё же выглядел чистым и опрятным. Среди всего этого, была одна примечательная деталь – его взгляд. Он редко смотрел собеседнику в глаза, возможно от того, что Элис была не знакома с ним ранее, но хотя, это могло быть его манерой общения, чему она чуть позже даже успела порадоваться, так как, когда она ловила его редко проскальзывающий прямой взгляд, появлялось ощущение, что он пронзает её насквозь, словно нет более тёмных скрытых в её сознании тайн которые он не видит, становилось сразу неудобно, неловко, хотелось вжаться в кресло. Но это ощущение быстро растворялось и уносилось дымкой вслед за фокусом взгляда доктора Купера.

– Как вам Блэк Лэйк? – поинтересовался Бэн, в очередной раз на мгновение пронзив её взглядом.

– Замечательный город! Я тут была некоторое время назад. В чём-то он даже сильно изменился – ответила Элис.

– Позвольте я вас провожу в лабораторию? Хочу сразу познакомиться вас с командой – продолжил доктор Купер, предлагая проследовать к выходу.

– С удовольствием – ответила Элис и направилась вслед за ним, провожаемая взглядом голографической проекции секретаря, пожелавшего вслед удаляющейся гостье «хорошего дня».

Они спустились к выходу по лестнице и далее направились к стоянке беспилотных электрокаров. Машина с секундной задержкой отреагировала на голосовую команду доктора Купера о точке назначения, коей являлась лаборатория ИксАй-12, и неспешно покатила в нужном направлении, в сопровождении едва слышимого шелеста электродвигателя, ведомая беспристрастным желанием бортового компьютера выполнить свою работу. Элис видела уже подобные прототипы, но кататься на них ранее не представлялось возможным. Казалось, что вот-вот и из динамика прозвучит привычный голос водителя такси, пытающийся хоть как-то заполнить пустующее звуковое пространство, но это был всего лишь безынициативный целевой автомат.

Размышление Элис прервал доктор Купер, рассказом о лаборатории и над чем ей предстоит трудиться. Его повествование было очень кратким, словно он сэкономил энергию на произношение слов, но вопреки сухости изложения, ока-

залось весьма ёмким. Объяснила она для себя это тем, что он использовал очень точную терминологию подбирая более емкие образы из общего с ней словаря.

Его речь была спокойной, умеренного темпа, словно течение глубоководной реки по равнине, без водопадов, порогов и прочих препятствий. На описании самого проекта он остановился более детально. Периодически делая небольшие паузы, словно давая гостю пережевать каждый откусанный твёрдый кусок пищи, и будто убедившись в том она готова к следующему, продолжал.

Идея была невероятна и немыслима, и, если бы не обзорные данные последних экспериментов, что озвучивал доктор Купер, поверить в это было бы весьма сложно, и будучи столь немыслимо недостижимой, рассказчику она, очевидно, казалась до невозможности простой. Элис тезисами отмечала для себя суть всего замысла. В числе прочего, планировалось собрать квантовое ядро, смонтировать в центральный вычислительный комплекс, подключить к мировой информационной сети и запустить программы построения онтологических структур на базе невероятно огромного массива накопленных данных за последние несколько десятков лет, тем самым подготовить колыбель со знаниями для будущего, пока ещё не рождённого, искусственного интеллекта, о зачатии коего грезила оптимистично настроенная половина всего научного братства, нередко вступая в публичные споры, дискуссии затрагивающие техническую или эти-

ческую стороны вопроса, без мордобоя конечно, со скептически настроенной второй половиной этого же братства, в глубине души мечтающей о раздаче хороших оплеух всем тем нерадивым мечтателям. Параллельным и немаловажным исследованием оказался тот самый нейроинтерфейс, проблематику создания которого Элис озвучивала в одной из своих статей о программирование роста и мутации наноструктур, на примере выращивания искусственных нейросенсорных биокомплексов.

По рассказу доктора Купера нельзя было сказать, что он одержим идеей ядра или ещё чем-то, но чувствовался некий поток пульсирующей энергии, заряжающий, буквально раскачивающий маятник стремления свернуть эту гору проблем и препятствий одним движением руки, и построить мегалитическое сооружение инженерно-технической мысли теоретиков-фантастов.

Слушая его, анализируя, Элис не заметила, как автомат доставил их к месту назначения, и только по тому, как доктор Купер встал и прервал рассказ она поняла, что уже на месте. Она стояла перед входом в лабораторию ИксАй-12, перед стеклянными автоматическими дверьми в два человеческих роста высотой.

– «Добро пожаловать в твой новый дом» – подумала Элис и направилась ко входу вслед за доктором Купером.

Стоя в сторонке и наблюдая за посетителями, медленно перемещающихся от картины к картине, что выставлялись галерее, Кэт остановила взгляд на пожилым мужчине, внимательно разглядывающего одно из её произведений. Он очень выделялся из общей массы присутствующих здесь людей, не столько одеждой, сколько необычностью, яркостью его взгляда, словно наполненного доверху эликсиром весёлой молодости и бездонной иронией мудрости. Это был очень притягательный и добрый взгляд старичка, с частенько проскальзывающей в нём озорной искоркой. Казалось, ещё мгновение и он начнёт отбивать чечётку, размахивая шляпой и тростью.

– «Какой интересный человек» – задумалась Кэт, не отрывая от него взгляд.

– Позвольте поинтересоваться, юная леди – с игровой хрипотой старичка он обратился к Кэт, повернувшись в её сторону, словно чувствуя проснувшийся в ней интерес.

– Да – ответила Кэт расцветая в искренней улыбке, и волна положительных эмоций расширяясь покатила в стороны от неё, зацепив собеседника, следом за ней расплывшегося в улыбке.

– Вам не кажется, что это картина «вверх ногами»? – спросил он с нарочитой важностью художественного эксперта по-

глаживая седую бородку. Спустя несколько секунд он, насколько это было возможно в его возрасте, наклонился влево не отрывая трости от поля так, что его взгляд оказался почти перевернут, – Вот посмотрите! – продолжил он словно приглашая собеседницу к просмотру.

Не заставляя себя ждать Кэтерин также наклонилась. Её взгляд, как и её собеседника оказался перевернут. Волнистые светлые волосы свисали словно ветви серебристо-бежевой ивы.

– Действительно! Так гораздо лучше! – с весёлой детской звонкостью в голосе подтвердила она.

– Вы знаете, я часто прогуливаюсь по этой улочке, и, бывает, загляну в галерею – продолжил он, всё ещё наклонившись, – тут часто выставляются известные, я бы сказал, такие именные и породистые титаны творческой мысли, с громкими именами и с не менее громким выпирающим самомнением. Но зачастую это какой-то безумный абстракционизм, кубизм, круглизм да и вообще всякизм. Редко бывает что-то приятное глазу, душевное, тёплое – говорил старичок, с лёгкостью циркового жонглёра играя словами, интонациями, передавая всю глубину чувственности и искренности – Сегодняшний автор мне понравился, многие картины действительно волшебны, как красочный фильм погружающий в переживание из детства, или уносящий в бескрайние пространства воображения и мечты, наполненных природной нежностью и огнём материнской любви, я бы сказал, ду-

ша буквально радуется встрече с таким творением! – собеседник сделал паузу, – Но эту иллюстрация явно выбивается из общего фона. Видимо эксперимент на тему фантастической космической одиссеи. Я склоняюсь, и как видите это буквально – посмеялся он, – К тому, что всё же стоит её перевернуть! – словно переключившись, с наивной игривостью и озорством утвердительно произнёс он.

– А давайте так и поступим! – быстро выпрямившись, в весёлом порыве с азартом Кэт поддержала его.

– Я бы не стал этого делать! – ответил старичок, переходя на шёпот, меняя интонацию на заговорщическую, – На входе вон тот верзила, думаю, будет против – аккуратно взяв Кэт за локоть, шептал старичок, – Да и этот что у стойки уж слишком, на мой повидавший людей взгляд, нервный.

– Не беда! Вы берёте на себя того, что у дверей, если вдруг он что-то заподозрит, а перед этим я постараюсь не засветиться – также заговорщически сказала Кэт, и направилась к картине. Следом за ней поспешил и старичок.

Охранник, стоявший у столба, заметив, как Кэт пытается перевернуть на креплении картину, подошёл к ним.

– Позвольте вам помочь, Кэтерин – сказал он, взявшись за механизм крепления рамы.

– Да, большое спасибо. Помогите её перевернуть – ответила охраннику Кэт.

Перевернув картину и закрепив механизм рамы, охранник неспешно удалился, на ранее выбранный. Видимо, из-за

наилучшего обзора наблюдательный пост у столба. Информационная надпись, установленная в нижнем углу, а теперь оказавшаяся в верхнем ничуть не мешала восприятию содержимого, хотя и выбивалась из общего формата маркировки картин в галерее. Кэт повернулась к старичку. В его глазах застыло изумление!

– Кэтерин Нолан?! – с непередаваемым удивлением спросил он.

– Да, но так зовут мою бабушку. Для вас я просто Кэт – с лёгкостью и дружеской простотой в голосе ответила она и протянула собеседнику руку.

– Себастьян Роттерхэйм – представился старичок, пожав в ответ её за руку слегка поклонился.

Работа не останавливалась ни на минуту. Порой всё вокруг закипало, покрываясь пеной переплетающихся фраз, идей, мыслей, эмоций. Инженеры привозили новые контейнеры, набитые электронными модулями, соединительными устройствами и проводами. Казалось, ещё немного и выйти из помещения, где готовится размещаться квантовое ядро, будет уже невозможно. Но шло время, оборудование крепилось, связывалось шлейфами проводов, панели заполнялись оживающими светлячками индикаторов активности модулей, вырастали башни электронного комплекса упира-

ясь в потолок, того и гляди норвящих продавить его.

В конференц-зале периодически собирались группы докторов, аналитиков, инженеров и микробиологов, иногда приглашались профессора из разных университетов. Дискуссии длились до нескольких часов и зачастую этого не хватало. Было очень много вопросов, и их число непреклонно росло, чего не скажешь об ответах и найденных решениях.

Элис иногда заглядывала в помещение электронного центра, когда решала отдохнуть и переключиться. Её буквально тянуло в это помещение. Наблюдение за процессом сборки было спокойно-увлекательным, часто она представляла инженеров, монтирующих блоки, муравьями. Каждый знал, что ему делать, всё выглядело так, словно это не первый их квантовый муравейник. Почти не звучало вопросов, большая часть времени проходила в молчании, скрипе сопровождающем сборку и крепление оборудования, небольшом шуме электроинструментов, звуковым сопровождением активации и отключения того или иного модуля, диагностических «бипов», «пипов», «тиков» и прочих забавных электронных звуков, иногда пронзаемых чьими-то шутками или байками, и следующим за ними смехом остальных. Каждый раз, когда Элис посещала это помещение, она словно на мгновение замирала, входя в него, ощущая лёгкое прохладное дуновение, пронзающее всё тело, неожиданно появляющееся из ниоткуда и столь же стремительно исчезающее в никуда. Оправдывая это работой системы кондици-

онирования, она усаживалась у дальнего окна, чтоб не мешать строительству муравейника, но при этом видеть большую часть его. В таком состоянии её застал Бэн. Доктора Бэнджамина Купера она, как и многие в лаборатории величала просто Бэн, на чём он настаивал сам.

– Забавно, неправда ли? – спросил он, словно размышляя вслух.

– Что? – словно вынырнув из глубины, спросила в ответ Элис, не заметив его появления.

– Забавно всё выглядит. Мы строим столько невероятно сложный, инженерный комплекс, чтобы поприветствовать своё отражение в бескрайней сложности Разума мироздания, порой игнорируя куда более простые решения. Вот, буквально, четыре месяца назад я пригласил тебя к нам, и смотри, мы уже собираем его, первое, единственное, уникальное квантовое ядро... – он замолчал, словно пытаясь что-то сказать, – Кажется ещё вчера я рассказывал Кэт идею квантовой связанности во фрактальном волновом поле информационно-энергетических колебаний, получив в ответ забавное, насыщенное красками чувств, описание соседствующего с нашим домом дуба и заливающегося прекрасными песнями соловья... И вот, мы с тобой сидим у основания этого величественного вычислительного комплекса с волшебным ядрышком внутри... Правильно ли мы поступаем?... Если все вопросы исходят изнутри нас, нашего разума, то там ли мы ищем ответы, разглядывая звёзды или строя технические

комплексы? – размышляя вслух Бэн замолчал, не ожидая ответа, да и вопросом это особо и не звучало.

Через несколько секунд у Элис зазвонил коммуникатор. Её попросили подойти в лабораторный сектор, где производили выращивание её первых устойчивых образцов наноструктур в мозге крыс. Она встала, кивнула доктору Куперу и удалилась.

Эксперимент с шимпанзе прошёл успешно. Элис была очень рада череде успешных подключений терминала к мозгу примата. Все инициированные простые инструкции и полученные соответствующие интерпретируемые ответы, дали исследователям огромное количество данных для изучения. Информация об успехе со скоростью света разлетелась по оптоволоконным коммуникациям из лаборатории в разные уголки континента. Научный, и не только, мир ликовал. Лингвисты готовились строить новые речевые модели, нейробиологи искали способы применения для диагностирования и лечения ряда заболеваний, программисты жаждали публичного распространения таких интерфейсов, конструируя в своих вычислительных центрах сервера с виртуальными реальностями, военные потирали руки видя как их смертоносные машины управляются мыслью оператора. Мир буквально перевернулся и сошёл с ума, побежав в неве-

домом доселе направлении. На центральных телеканалах, конференциях, научных дебатах, выступлениях представителей разных религиозных конфессий, всё с большей частотой поднимались вопросы этичности и правомерности, важности и перспективности, полезности и безопасности развития этих исследований. Информационное пространство стало раскалываться на множество групп, поддерживающих или противодействующих той или иной идее приближающегося неизбежного будущего. Не ведая того, каждый уже сделал вклад в развёртывание всех возможных сценариев, и этому каждому оставалось только выбрать ту или иную версию сделав будущее грядущим.

От толпы репортёров исследовательскую группу лаборатории ИксАй-12 спасала только изолированность границ научного городка. Редкие публичные выступления представителей команды университета Блэк Лэйк с короткими докладами приводили в возбуждение и трепет даже заурядного школьника, поддавшегося общему настроению, витающему в информационном поле, казалось бы, разделённого и индивидуального, но всё же единого разума.

Шли долгие месяца согласования экспериментов с людьми. Желаящих вырастить себе интерфейс посредством простого укола трёх кубиков прозрачной, без цвета запаха и вкуса жидкости в мышцу плеча, под строгим наблюдением аппаратуры и сотрудников лаборатории, становилось всё больше. Дай им волю они бы выстроились оче-

редь от пропускного пункта на территорию научного городка. Но сообщество размышляло, вело внутренний диалог, договариваясь с каждой клеткой этого социального организма. Ведомое единой для всех идей оно стремилось найти решение оптимально выгодное и с минимальным вредом для всех его участников. Словно спортсмены жаждущие победы в нелёгком беге с препятствиями на беговой дорожке в низком старте, все замерли, ожидая сигнального выстрела пришедших к соглашению политических, религиозных и научных лидеров, в свою очередь опасующихся фальстарта или травм участников забега, затягивающих старт.

И разрешение было получено! Готовился первый не имеющих аналогов в истории прецедент – на кресле, окутанном коконом проводов, сидел человек. Элис и её команда кружились словно пчёлки вокруг ароматного цветка медоносной липы, наклеивали датчики, то и дело проверяя диагностические данные на терминалах. Элис сильно переживала. Не раз был произведён этот эксперимент с шимпанзе, увенчавшийся успехом, но сейчас в этом кресле сидел человек. Ему предстояло решить простейшие задачи, переданные в образах посредством интерфейса, смоделировать ответ и вернуть его упакованном в образе, результат, извлечённый из данного пакета, они и отрисуют уже посредством терминала. Всё сводилось к, кажущемуся на первый взгляд, простому обмену мыслеобразов, своего рода цифровая телепатия, где, с одной стороны, получатель словно видит и осмысливает размыш-

ления отправителя.

Неподалёку от неё стоял доктор Купер, обсуждая с одним из инженеров необходимость подключения дополнительных узлов модулей памяти для сбора фоновых потоков данных для последующего анализа.

Спустя чуть более часа приготовлений всё было готово к запуску. Бэнджамин подошёл к Элис, улыбнувшись похлопал её по плечу, не произнося ни слова. Но всё и так было понятно по его взгляду, в котором ясно читалось – «В добрый путь, мой друг!».

Пошёл обратный отсчёт. «Десять, девять, восемь, семь, шесть...» у Элис задрожали руки, она буквально вцепилась в спинку стоящего перед ней кресла. Холод и паника из неоткуда и, буквально, со всех сторон хлынула на неё. Она ощутила падение. И вот уже знакомый бушующий поток света, сворачивающийся в тоннель, мчал её в направлении ускоренно приближающегося нечто, неспешно вращающегося в этом светопредставлении геометрических узоров со старого бабушкиного ручной работы ковра.

– Что... что происходит... В прошлый раз было так же... – думала она, наблюдая всё это, но уже не испытывая страха удара или падения, – Что это такоооооо... оу... оу... оу... – и мысль словно выпрыгнула из её головы недодуманная, недоговорённая, затухая поплыла прочь в мерцающую пустоту за пределы видимого тоннеля. Падение в нечто, вспышка... Она опять стояла в том самом помещении, где

была в прошлый раз, но теперь ясно понимала – это одно из помещений лаборатории ИксАй-12, где она часто проводила время наблюдая сборку оборудования.

– Это же вычислительный комплекс с квантовым ядром! – словно со всех сторон из динамиков прозвучала, озвученная её голосом, мысль. Помещение было тем же, но, инженерные модули и их компоновка немного отличались от её известных.

– Точно! Их больше и некоторые мне не знакомы... какие-то более сложные... – кто-то прокричал её мысли низкими частотами заставляя вибрировать лёгкие.

Вдалеке, около центрального терминала ядра она разглядела человека. Стоило присмотреться и сфокусироваться на нём, как его движения словно замедлялись и буквально тонули в желеобразном пространстве, увлекая за собой размывающиеся строки рядом находящегося дисплея. Это точно был доктор Купер.

– Бэн! – закричала Элис, и эхом разлетающееся звуки буквально спускались с горки, звуча всё ниже и ниже, переходя из вибрации с большей частотой в замедляющееся покачивание пола и стен, – Бэнннннзззззжж... ззжж... ззжж... – нарастающий гул и жужжание, порождённое её криками заставлял закипать воздух вокруг, пузыриться, отчего видимость в помещении скатывалась к нулю.

Элис чувствовала, что ей срочно надо ему сообщить что-то очень невероятно важное. Она тянулась всем своим те-

лом, кричала, буквально билась о стены сковывающего её какого-то поля, подобной пойманной рыбе разума в сетях иллюзорности воспринимаемого ею окружения. Она ощущала всё больше нарастающее давление безысходности. Безгранично огромная, неопишимо глубокая горечь пронзая сердце бушующим смерчем жара проносилось по её сознанию. Сквозь застывшие в пространстве слёзы она видела искажённую картину, удаляющуюся от неё, разрываемую на множество осколков разбитого зеркала продолжающих отражать фрагменты реальности. Провал в колодец...

«...Пять, четыре...». Элис не видела ничего вокруг, она забыла про эксперимент и бегала взглядом в поисках доктора Купера. Он стоял в трёх метрах за её правым плечом, поймав её тревожный взгляд, улыбнулся и продолжил наблюдение за дисплеем индикаторов и диагностических гистограмм. Она, успокоившись выдохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.